

КОЛЛИЗИЯ

Ольга ТИМОФЕЕВА

ИВАН ТОЛСТОЙ, ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ, ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ ТРЕХТОМНИК, КОТОРЫЙ ВО МНОГОМ ПЕРЕВЕРНЕТ НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭТОМ ФЕНОМЕНЕ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ СЮЖЕТ О НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА ПРЕДСТАЕТ В ЕГО РАССКАЗЕ «МН» В НОВОМ, НЕОЖИДАННОМ СВЕТЕ.

— До сих пор история издания «Доктора Живаго» рассказывалась со стороны самого Бориса Леонидовича, после его кончины друзьями и благожелателями, а в новые времена старшим сыном поэта Евгением Борисовичем и теми, кто исследовал взаимоотношения Пастернака и советской власти. И единственный, что никогда не обсуждалось, это самая деятельная часть истории: кто финансировал издание романа по-русски. Ведь Нобелевская премия присуждена за издание на родном языке романа, как и должно быть по ее уставу. Первый издатель итальянец Фельтринелли утверждал, что в отсутствие издания на языке оригинала тот язык, на котором произведение напечатано в первый раз, становится оригинальным языком издания. И юристы по авторскому праву с этим согласны. Однако для Нобелевского комитета эта логика не работает. И в 58-м, когда роман был выдвинут на премию, один из «выдвигателей», Альбер Камю (лауреат 57-го года), получил следующий ответ: комитет хочет присудить премию, но нет русского издания.

— Почему было его не выпустить? Было же понятно, что в Москве книгу не напечатает.

— Но кто заплатит такие большие деньги, чтобы выпустить роман ограниченным тиражом? В конце 50-х покупателей русских книг было мало, это был демографический и культурный провал в эмиграции. Никто из издателей не хотел рисковать. В частности, и сам Фельтринелли, обладавший оригиналом, правда, направленным, только для перевода, где нюансы не так важны. Кроме того, он понимал, что издание книги на русском языке на Западе — это политический жест, очень неприятный для Москвы. Не надо забывать, что Фельтринелли был коммунистом. Он порвал с итальянской компартией, которую в течение ряда лет финансировал, но остался верен идее коммунизма и не хотел быть ее подрывником.

Патовая ситуация, когда комитет согласен, друзья очень хотят, но нет денег. Оказалось, что требуется бог из машин, черт из корбочки — кто угодно; некая сила, которая бы это издала. Потому что сгущение туч вокруг Пастернака достигло такой степени плотности, что без Нобелевской премии поэту грозила публичная казнь.

И здесь на сцене появляются американцы. Шла холодная война, и американцам было важно показать — особенно в Европе, где коммунистические настроения были крайне сильны, что XX съезд партии остался голословным, что Сталин разоблачен только на бумаге. В действительности же цензура лютует, свободы нет, и творческий человек при коммунистическом режиме не может сказать того, что думает. И за эту историю взялось ЦРУ, решившее оплатить издание романа по-русски. ЦРУ решило

Иван Толстой исследует реальную эмиграцию, а не радужные представления о ней

Как ЦРУ издавало роман «Доктор Живаго»

АМЕРИКАНЦЫ, ПРЕСЛЕДУЯ СВОИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, ОКАЗАЛИ УСЛУГУ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

подготовить книгу параллельно по двум линиям. Одна — американская, другая — европейская. На каждой из них ЦРУ расставляло капканы и волчьи ямы, так что люди, выполнявшие задание по выпуску романа, не знали не только, что делает их партнер по другой линии, но и того, что делает следующее звено или делало предыдущее. Так они «отмывали» эту рукопись. Вульгарное, но точное отражение процесса. Ценой была Нобелевская премия. Ценой была победа в холодной войне. Книга легла на стол перед шестью членами Нобелевского комитета в срок, в августе 58-го года. Она вышла совершенно неожиданно для всех участников процесса и друзей Пастернака.

— И Фельтринелли не знал?

— Узнал в самый последний момент. Это был «слив» информации. Книгу нужно было легитимизировать, потому что ЦРУ подготовило книгу без названия типографии и имени издателя. Для Нобелевского комитета такая книга становилась «пиратской». Политбюро, несомненно, посоветовало бы Пастернаку опротестовать ее по этой линии. В результате на книге появилось имя Фельтринелли. Однако имя издателя есть, но нет одной маленькой буковки, которая решает все: значка копирайта.

— Коммуниста Фельтринелли не смутило участие в делах ЦРУ?

— Очень смутило. Но он понял, что это — сила, которую он при всей своей издательской хитрости одолеть не сможет. В конце концов, ЦРУ не присваивало себе никаких прав, только оплачивало самую неприятную часть этого дела: издание.

— В результате был выпущен направленный экземпляр?

— Да. И это еще одна человеческая драма. Ее жертвой стала друг Пастернака графиня Жаклина де Пруаяр, французский славист, директор музея Льва Толстого в Париже. Она единственная на Западе обладала правленной рукописью. Но выпустить ее не могла. Сама напечатать книгу по финансовым причинам она не сумела, а отдать рукопись в руки ЦРУ означало бы на всю жизнь попасть в глазах общества в связку: ЦРУ — Жаклина де Пруаяр. Для нее это означало гибель карьеры. ЦРУ не любит везде, а уж во Франции с традицион-

Русская эмиграция была тем пирогом, который делили самые разные разведки в своей борьбе за влияние, за победу в холодной войне

ным антиамериканизмом — тем более. И, обладая всеми полномочиями, выданными письменно Борисом Леонидовичем, она делает шаг в сторону и умолкает. И книгу выпускает ЦРУ по неправленому экземпляру. Жаклина де Пруаяр подчитала, что там больше 600 ошибок, мелких неточностей, выпавших строк, эпитафий. Только через 9 лет, в издании Мичиган-

ского университета, Жаклин смогла выпустить свой текст, и с тех пор на Западе он стал основным, перечеркивающим все остальные.

— Откуда ЦРУ взяло свой экземпляр?

— Вокруг этой операции сложилась легенда (пока не подтвержденная документально), что американские агенты похитили на два часа чемадан с рукописью у одного из авиапассажиров внутриевропейского рейса. В своей книге я рассказываю, как ЦРУ облапошило всех участников процесса. Затем ЦРУ выпускало дополнительные тиражи в малом формате, так называемые засылочные книжечки, которые многие из нас читали в свое время.

— Это было довольно трудно вообразить тогда...

— Более того, без ЦРУ после войны в русской эмиграции ни одна книга не издавалась. Конечно, были ведомственные издания, книги, издаваемые богачами на свои деньги, церковные издания. Но я говорю о мейнстриме — о романах, мемуарах, собраниях сочинений, документальных книгах, о всем том, что определяло общественный литературный фон. Иногда это было прямое финансирование, но чаще всего применялся другой метод — издатель на свой страх и риск издавал книгу под некоторое общественное обещание. Это обещание можно сформулировать так: издай книгу —

а мы у тебя закупим треть тиража. Треть тиража оправдывала затраты, но не давала доходов. Эта треть поступала в распространители эмигрантской книги, которые многие застали, поехав на Запад в раннюю перестройку. Квартиры без всяких вывесок в Риме, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, куда вас приводили знакомые эмигранты и где бесплатно раздавались книги. Это и были те самые конторы ЦРУ для непрямой, полуприкрытой оплаты этих тиражей.

— То есть издатели знали, на какие деньги это издается?

— Все знали. Только никто об этом не говорил вслух, как о полуприличной болезни. В своей книге я провожу такую мысль: конечно, в эпоху холодной войны обе стороны применяли самые разные средства. Но в том, что касается идеологического подрыва советской власти американцами, методы были чистыми. Вместо ядов, пускания поездов под откос, вместо похищения людей ЦРУ подрывало Кремль русской

с заходящим солнцем. Ужасная, всеми осужденная организация — и такие для русского читателя приятные поступки. Так и вспоминается: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

— Как вы вышли на эту тему?

— Я занимаюсь эмиграцией, сколько себя помню, а 15 лет назад начал собирать энциклопедию «тамиздата». Правда, жанр и углы зрения меняются, по-видимому, это будут три тома под условным названием «Русская эмиграция в холодной войне». Не благодное изучение того, какие балы устраивали члены Общества памяти священномучеников Николая Александровича и Александры Федоровны, а история участия русских писателей, художников, общественных деятелей, военных в строительстве той России, которую каждый из них представлял по-своему. Мне хотелось показать, чем каждый день занималась русская эмиграция. Почитаешь некоторых исследователей — и кажется, что все они писали стихи, лили слезы, посылали черную розу в бокале. Конечно, кто-то занимался и этим, но в основном эмиграция вела политическую борьбу. Сильнее и слышнее всего были те круги, которые концентрировались вокруг «Нового русского слова» в Нью-Йорке, «Русской мысли» в Париже, проводивших определенную политику. Пусть она была недаленовидной, глупой, слепой, мертворожденной — не имеет значения.

Эти люди действовали. Этих людей, их использование спецслужбами — американскими, французскими, британскими и, может быть, в наибольшей степени, советскими — я хочу показать. Русская эмиграция была тем пирогом, который делили самые разные разведки в своей борьбе за влияние, за победу в холодной войне.

— Эмиграция вряд ли будет доволна такой книгой.

— Что такое русская эмиграция? Если ее представлять как сидящих в креслах за чашкой чая собеседников, вспоминающих о вечнозолотых годах, то такие эмигранты будут недовольны. Но, по-моему, таких просто не существует. Они выдуманы российскими журналистами. Русская эмиграция всегда представляла собой комнату, наполненную пауками, как, впрочем, любое сообщество, в котором шла борьба за свои идеалы, свои принципы. В ней были люди чести, истинные патриоты, а также малодушные глупцы, предатели, готовые служить кому угодно. Я хочу показать реальную эмиграцию, совсем ее не оскорбляя, но показывая, что в тех обстоятельствах можно было либо умирать с голоду, либо понять, какой вклад ты можешь сделать в строительство «своей» России. Во время войны кто-то шел с Гитлером, но не меньшее число — в Сопротивление. А после войны кто-то соглашался сотрудничать с ЦРУ, видя смысл своей жизни в том, чтобы переправлять в Советский Союз запрещенные книги. Кстати, в истории с «Живаго» все участники операции поставили единственное условие: никакого гонорара. Издание «Живаго» — одна из самых привлекательных страниц истории. Здесь совершенно понятно, кто в белых ризах, а кто — в черных.